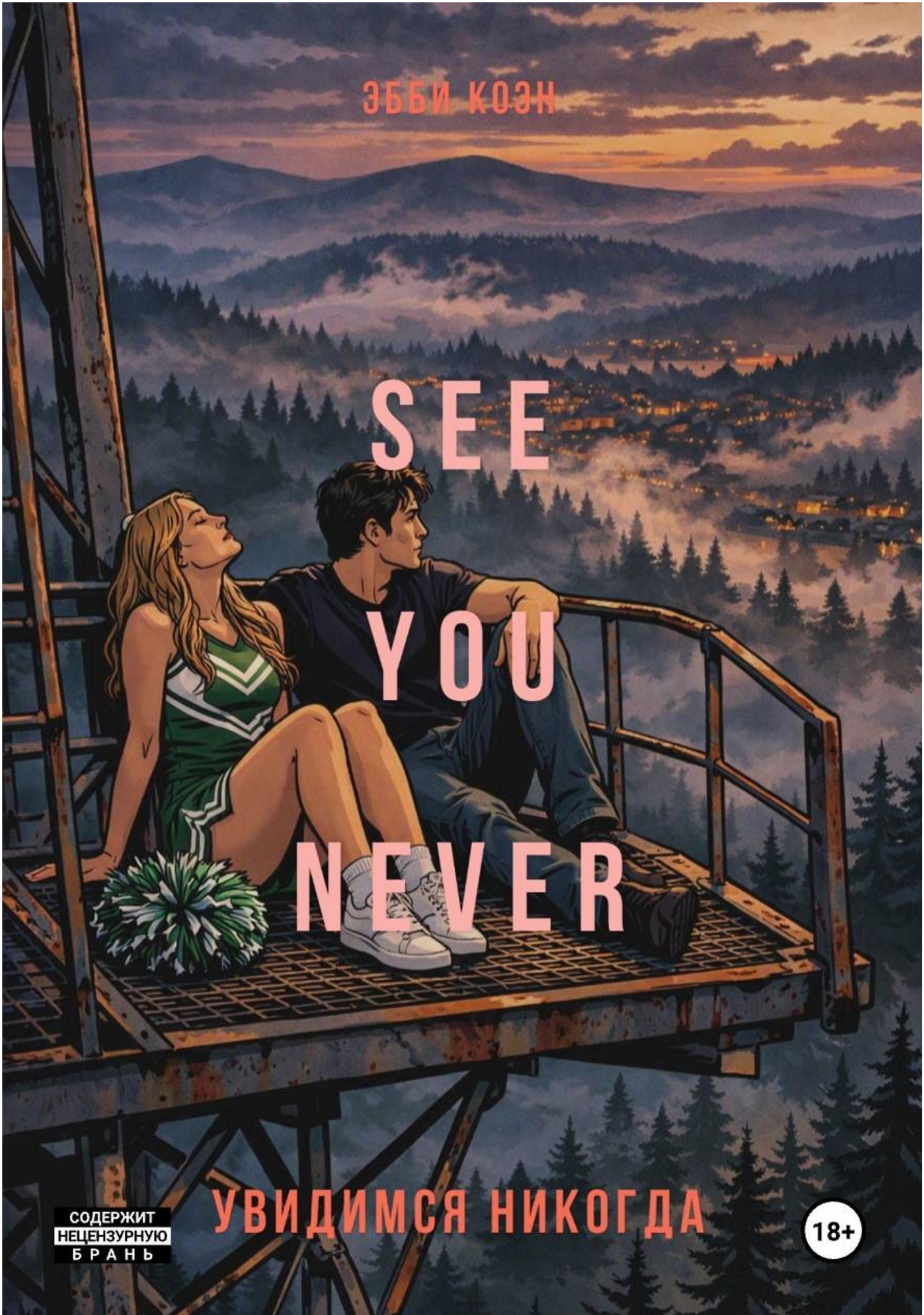

ЭББИ КОЭН

SEE YOU NEVER

УВИДИМСЯ НИКОГДА

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Эбби Коэн

Увидимся никогда

«Автор»

2026

Коэн Э.

Увидимся никогда / Э. Коэн — «Автор», 2026

Что может быть общего у идеальной принцессы кампуса и парня, который пахнет мазутом и ломает челюсти на подпольном ринге?Ничего, кроме искр и едкого сарказма при каждой случайной встрече. Но когда их тайные ночные звонки на анонимное радио превращаются в единственное спасение от одиночества, стены начинают рушиться. В Блэквуде слишком густой туман, чтобы долго прятать в нем свои шрамы. Реальный мир не прощает иллюзий. И когда их маски слетят, цена правды окажется слишком высокой.

© Коэн Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Посвящается 5
Плейлист 6
Глава первая. Брит 7
Глава вторая. Дин 14
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Увидимся никогда

Посвящается

Посвящается Хайден Панеттьери и ее бессмертной Клэр Беннет.

В мире, где так легко сломаться, ты учила нас быть неуязвимыми. Спасая чирлидершу, мы учились спасать себя. Эта история — о масках, которые мы носим, о шрамах, которые нас определяют, и о том, что даже самые хрупкие души способны выдержать самый сильный удар жизни.

Плейлист

jojo — too little too late
kansas — dust in the wind
jack curley — stand still
lifehouse — it is what it is
the anix — sleepwalker
kristian leontiou — story of my life
bon jovi — it's my life
ruby darkrose — treat her like a workout
bad omens — specter
king of leon — closer
thousand foot krutch — the part that hurts the most (is me)
static cycle — with you
saint vice — body locked to mine
breaking benjamin — the diary of jane
three days grace — I hate everything about you
saint vice — no mercy
anton fish — 14 years
forty foot echo — brand new day
christina aguilera — genie in a bottle
dagny — somebody
orion white — afraid of the dark
avril lavigne — nobody's home
ruby darkrose — B.A.G.B.A.L.T.P.U.I.C.O.Y.F
gavin degraw — i don't wanna be
nsync — bye bye bye
three days grace — animal I have become

Глава первая. Брит

— Спасая тебя, я спас мир?
— Не знаю... Я всего лишь чирлидер.
(с) «Герои» (Heroes)

Финальный свисток арбитра потонул в безумном реве трибун.

Стадион университета Блэквуд буквально ходил ходуном. Сегодняшний полуфинал Орегонской лиги превратился в настоящее побоище, в котором квотербек футбольной команды «Блэквудских волков», Брэндон Нэш, в пух и прах разнес защиту «Портлендских рейнджеров». Команда соперников уползала с поля с позорным счетом, а стадион исходил на крик, утопая в зелено-белых конфетти и густом тумане, который Орегон заботливо согнал к вечеру прямо на трибуны.

Брит Саммерс была в самом центре этого безумия. Точнее — на его вершине.

Она стояла на вытянутых руках парней-базовых, раскинув ладони в стороны. Сердце бешено стучало, в крови бурлил адреналин, а губы сами собой растягивались в ослепительной улыбке. Взмахнув зелеными помпонами, Брит сделала безупречный соскок и приземлилась на газон так мягко, словно в ней совсем не было веса.

Нужно сиять. Сегодня на трибунах было слишком много глаз: репортеры местной газеты «Блэквуд Геральд», директора спортивных клубов штата, скауты, спонсоры. Камеры вспыхивали каждую секунду. И никто не должен был заметить, как у Брит ломит каждую мышцу. Тело кричало от усталости. Она не спала нормально уже три дня. Днем — изнурительные тренировки ради этого триумфа, ночью — бесконечные попытки дописать эссе по кризисному репортажу и современных медиа. Ей приходилось часами анализировать, как журналисты вытаскивают наружу чужие грязные тайны, пока она сама из последних сил пыталась закопать поглубже свою собственную. Внутри всё выгорело дотла, но внешне Брит Саммерс оставалась безупречной куколкой.

Она мельком взглянула на вип-ложу. Элеонора Саммерс сияла, демонстрируя окружающим идеальную осанку и дорогущее кашемировое пальто. Боже, Брит на мгновение показалось, что её сейчас стошнит прямо на газон от этой фальшивой сладости. Мама не смотрела на игру. Она смотрела на то, как люди смотрят на её дочь.

А где-то там, в центре города, в своем огромном кабинете окружного суда, перед экраном монитора сидел отец. Ричард Саммерс никогда не пропускал матчи дочери. Сегодня он не смог приехать из-за затянувшегося слушания, но Брит кожей чувствовала его оценивающий взгляд даже через экран трансляции. Для родителей она была не живым человеком, а инвестицией. Ходячим брендом под названием *«Идеальная дочь идеальной семьи»*.

Будь её воля, Брит давно бросила бы эти помпоны, короткие юбки, швырнула бы форму в лицо тренеру и уехала в глухой лес. Построила бы там хижину, выключила бы навсегда телефон и просто слушала, как дождь стучит по крыше в абсолютной тишине. Без людей. Без ожиданий. Без этой удушающей маски.

Но для всех она оставалась звездой. Маленькой, зеленоглазой блондинкой с идеальными локонами, которая мило смеется шуткам футболистов. Самая большая ложь в её жизни.

— О боже, Брит, мы просто уничтожили их! Ты видела лицо их капитана? Она выглядела так, будто сожрала целый лимон!

Лекси Стюарт крепко схватила Брит за руку, буквально подпрыгивая на ходу. Высокая, фигуристая мулатка с копной мелко вьющихся темных волос, собранных в хвост, Лекси была вечным двигателем команды и девчонкой-катастрофой с громким смехом.

Слева к Брит прижалась Кэндис Уорд — полная её противоположность. Миниатюрная, с каре огненно-рыжего цвета и россыпью веснушек на носу, Кэндис знала все сплетни в университете и организовывала лучшие вечеринки.

Они влетели в душную, пахнущую лаком для волос раздевалку, наперебой крича и швыряя сумки на скамейки. Другие девчонки из команды были в полном восторге, обнимались и визжали так, что закладывало уши. Тоже самое делала и их троица. Брит искренне любила Лекси и Кэндис. Шумные, безумные, они чертовски круто делали свое дело и по-своему, очень преданно, любили её. Защищали, если кто-то пытался вякнуть лишнее. А большего Брит и не требовалось. Главное — они не лезли в душу.

— Брэндон сегодня был просто богом на поле! — Кэндис эффектно упала на лавку, стягивая белые кроссовки. — Клянусь, когда он сделал финальный тачдаун, у меня чуть сердце не остановилось. Парни устроят сегодня такой разнос в доме братства, какого округ еще не видел!

Лекси уже начала напевать какую-то речевку, которую ночью будет скандировать половина университета, и забавно задвигала бедрами:

— Погнали оттянемся, Брит? Капитан обязана открыть первую бочку с пивом!

Брит мягко отцепила пальцы подруг и со вздохом села на край скамьи. Улыбка на секунду сошла с её лица, обнажив дикую усталость, но она тут же вернула на место привычную маску.

— О, девочки, я бы с удовольствием посмотрела, как наши парни пытаются дышать через нос после пяти литров пива, но мне нужно домой, — Брит мученически вздохнула, открывая шкафчик. — Завтра до полудня надо сдать эссе мистеру Эвансу. А я пока нахожусь где-то между «ничего не понимаю» и «хочу умереть». Так что в другой раз.

— Эй, ну нет! Какое эссе?! — Кэндис тут же подскочила к ней, состряпав умоляющую мину и сложив руки на груди. — Бритти, брось, это же Эванс! Посмотришь на него своими волшебными зелеными глазами, скажешь, что у тебя был нервный срыв из-за финала, и он поставит тебе «А» просто за то, что ты существуешь. Поехали с нами! Будет весело!

— Да, Саммерс, не будь занудой! — поддакнула Лекси, запуская в неё чистым полотенцем. — Без тебя вечеринка не вечеринка. Брэндон тебя живьем сожрет, если ты не придешь отпраздновать его великий триумф. Он уже забронировал для тебя место королевы вечера на диване.

— Передайте Брэндону, что его великий триумф может пострадать, если я приду туда и засну прямо на его королевском плече от истощения. И вообще, Эвансу плевать на мои глаза, Кэндис. В прошлый раз он смотрел на меня так, будто я говорящий музейный экспонат. Если я не сдам эссе, он сделает из меня клинический случай для своей следующей статьи.

— Да ладно тебе! Всего на час! — Кэндис схватила её за плечи, преданно заглядывая в лицо. — Мы зайдем, сделаем пару фоток для соцсетей университета, ты покажешь всем свою идеальную прическу, выпьешь один коктейль, и я лично посажу тебя в такси. Клянусь!

— Кэнс, твои клятвы не спасут меня от отчисления, — Брит усмехнулась, мягко убирая её руки со своих плеч и начиная расстегивать молнию на форме. — Один час в доме «Альфа Кси» всегда превращается в четыре часа утра и поиски чьей-то туфли в бассейне. Если я сейчас окажусь в шумной толпе, я просто начну бросаться на людей. Вы же не хотите, чтобы вашего капитана арестовали за избиение первокурсников?

Лекси обреченно застонала, запрокинув голову:

— Боже, она невыносима, когда включает эту свою правильную отличницу. Ладно, сдаемся! Но завтра ты наша. Мы заставим тебя выпить столько латте, сколько в тебя физически сможет залезть.

— Договорились, — Брит облегченно улыбнулась, и на этот раз улыбка была капельку теплее. — Летите, мои ночные бабочки. Разнесите дом братства за меня.

Девчонки, продолжая шумно ворчать и смеяться, переключились на зеркало, обсуждая, какой блеск для губ лучше смотрится при неонах.

Брит повернулась к своему шкафчику, спиной к раздевалке, и закрыла глаза. С лица мгновенно сползли все эмоции. Внутри снова воцарилась пустота. Ей нужно было выбраться отсюда как можно скорее. Домой она, конечно же, не собиралась. В доме, где малейшая слабость считалась преступлением, она бы сейчас просто сошла с ума.

Ей нужно было её тайное убежище. Место, где Блэквуд смывал дождем все маски.

Брит быстро скинула зелено-белую форму чирлидера, которая сейчас казалась ей тяжелыми средневековыми доспехами, сковывающими дыхание, и натянула привычные джинсы и мягкое серое худи. Огромный капюшон стал ее персональным щитом от внешнего мира.

Повернувшись к зеркалу, она привычным движением взбила светлые пряди. Прежняя Брит вернулась. Идеально.

— Так, дорогуши, — она закинула спортивную сумку на плечо и повернулась к подругам, сузив глаза. — Оставляю наше стадо футболистов на ваше попечение. Кэндис, умоляю, если Брэндон после победы решит, что он бессмертный, и попытается прыгнуть с крыши дома братства в бассейн — сними это на видео. Мне нужен компромат, чтобы шантажировать его до конца семестра. Лекси, следи за ней, чтобы она не продала свой зад за банку пива Колтону.

Раздевалка взорвалась ответным хохотом и визгом.

— Эй! Я найду ему лучшее применение! — крикнула вслед Кэндис, посылая ей воздушный поцелуй.

— Брит, ты лучшая! Покажи этому эссе, кто тут босс! — Лекси помахала рукой, уже вовсю размазывая по губам ягодный блеск.

— Знаю, детки, знаю. Без меня вы пропадете, так что ведите себя прилично, — Брит подмигнула девчонкам из команды, сделала пару ободряющих щелчков пальцами в воздухе, как истинный капитан, и наконец перешагнула порог.

Дверь раздевалки захлопнулась с глухим стуком, отсекая шум, девичьи крики и удушливый шлейф парфюма.

Брит резко выдохнула, словно до этого не дышала вовсе. Плечи мгновенно опустились, уголки губ поползли вниз. Хватит. Она чуть ли не бегом бросилась по длинному коридору спорткомплекса к запасному выходу. Шаги ее кед эхом отскакивали от кафельных стен. Скорее. Пока ее не перехватил Брэндон с дружками или кто-то из тренеров.

Вывалившись на улицу, Брит попала под привычную морось. На дворе стоял конец сентября, и прохладный воздух поцеловал её в лицо, принося секундное облегчение. Но расслабляться было рано. Огромная парковка перед стадионом гудела. Студенты заполонили всё пространство: повсюду сверкали фары машин, гремела музыка из открытых багажников, кто-то открывал шампанское, обливая пеной лобовые стекла.

— Эй, Брит! Саммерс! Огонь сегодня! — крикнул какой-то парень из фан-зоны, размахивая зеленым флагом.

Брит даже не повернула головы, но ее лицо сработало на чистом автомате. Сработала та самая отрепетированная улыбка, которую из нее можно было выбить, даже если поднять ее посреди ночи и направить в лицо прожектор. Она слегка приподняла руку, изящно помахала, изображая искренний восторг, и прибавила шагу. Юркнув между двумя огромными пикапами, она наконец добежала до своего старенького, но ухоженного «Фольксвагена».

Руки слегка дрожали от переизбытка адреналина и дикой усталости. Брит судорожно копалась в кармане худи, пытаясь достать ключи.

— Давай же, блин живее, чертова железяка, — сквозь зубы процедила она, когда ключ никак не хотел попадать в замочную скважину.

Наконец замок щелкнул. Брит рванула дверь, запрыгнула на водительское сиденье и с силой захлопнула ее, отсекая гул празднующего стадиона.

Она швырнула тяжелую спортивную сумку на соседнее сиденье и, вцепившись пальцами в руль, громко выругалась.

Сколько, черт возьми, можно было еще так жить? Внутри нарастала волна злости на саму себя. Брит ненавидела себя за бесхребетность. За то, что каждый раз, когда отец ледяным тоном расписывал ее «блестящее будущее», она просто кивала. За то, что когда мать с фальшивой улыбкой выбирала ей платья и указывала, с какими девочками из приличных семей ей стоит дружить, Брит покорно соглашалась. Ей было тошно от собственной боязни просто открыть рот и твердо сказать родителям: *«Я устала. Я больше не могу и не хочу быть вашей идеальной марионеткой. Девочкой для восхищения на светских раутах. Послушным роботом для реализации ваших невыполненных амбиций».*

Если попытаться вспомнить, когда Брит в последний раз ела то, что действительно хотела, а не высчитывала калории для идеальной формы, или когда она ходила туда, куда тянуло сердце, она бы, наверное, не вспомнила. Хотя... Кого она обманывала? Конечно, вспомнила бы. Она делала всё это. Постоянно. Но только тогда, когда родители не видели.

Эта виртуозная ложь всем и вся давно уже стала ее второй натурой и играла в две стороны. С одной стороны, это защищало ее от скандалов дома, с другой — медленно выжигало душу изнутри. Вот и сейчас: пока Ричард и Элеонора Саммерс свято верили, что их послушная взрослая девочка налаживает свою «правильную» личную жизнь, тусуясь с элитой университета в доме братства, их девочка ловко ускользнула.

Брит завела мотор. Машина глухо заурчала. Она резко выкрутила руль, сдала назад и рванула с парковки, оставляя позади огни стадиона.

Она выехала на пустынное шоссе, ведущее прочь из городка, прямо вглубь густого леса. Вокруг сомкнулись гигантские, мрачные силуэты елей и сосен, верхушки которых тонули в низких серых тучах. Фары выхватывали из темноты влажный асфальт и белесый туман. Блэквуд был небольшим живописным городком, зажатым со всех сторон нетронутой природой Орегона. Ничего примечательного, за исключением престижного университета и бескрайнего океанского побережья, тянувшегося вдоль всего штата. Брит до упора крутанула ручку громкости на магнитоле. В салоне загремел рок восьмидесятых.

Брит до боли сжала руль, вдавливая педаль газа в пол. Она начала подпевать, сначала тихо, а потом во весь голос, срывая связки. Она пела, вкладывая в каждое слово всю ту ярость, что копилась в ней неделями.

Когда песня смолкла, сменившись тихим шуршанием радиопомех, Брит не остановилась. Ее прорвало.

— Да катись всё к черту! — закричала она в пустой салон. — К черту вас всех с вашей правильностью! С вашими стандартами! С вашими ожиданиями!

Она резко нажала на кнопку, опуская боковое стекло. В лицо тут же ударил ледяной ветер, перемешанный с каплями дождя, мгновенно растрепав ее безупречную укладку. Но Брит было плевать. Она высунулась ближе к окну и закричала прямо в темноту:

— Да пошло оно всё нахер! Слышите?! Нахер!

Она зашлась в истерическом смехе, который больше походил на плач. Слезы обожгли глаза, смешиваясь с дождевыми каплями на щеках. Брит мало волновало, что кто-то мог услышать ее истерику. В этой глуши, на старой лесной дороге, ее могли услышать разве что испуганные белки да деревья. И это было лучшее чувство за последние несколько дней. Чувство дикой, пускай и минутной свободы.

Машина тяжело подпрыгнула на яме, сворачивая с асфальта на размытую грунтовку. Брит сбросила скорость. «Фольксваген» шурша шинами по мокрой грязи, медленно взбирался на холм.

Впереди, сквозь густую пелену тумана и еловых веток, начали проступать очертания ее убежища — старой, заброшенной геодезической вышки. Огромная ржавая металлическая кон-

струкция уходила высоко в небо, напоминая скелет какого-то монстра. Здесь не было связи, не было людей, не было сладких улыбок. Только запах мокрых листьев, шум дождя и тишина. Место, где Брит Саммерс наконец-то могла просто перестать дышать по команде.

Она заглушила мотор, выключила фары и погрузилась во тьму. Крупные капли барабанили по стеклам, размывая и без того призрачные очертания вышки, торчащей посреди лесной поляны. В этой темноте Брит наконец-то позволила себе ссутулиться. Идеальная осанка капитана чирлидеров исчезла, уступив место разбитой, уставшей девчонке.

Она потянулась к соседнему сиденью и вытащила из недр спортивной сумки большую пачку «Читос» с сыром. Купила её на заправке еще по дороге на матч, тайно спрятав под ворохом сменной одежды, словно контрабанду. Брит с треском разорвала пачку. По салону тут же разнесся химозный запах — запах запретного бунта.

Она запустила пальцы вглубь пакета, выудила несколько хрустящих палочек и разом засунула их в рот. Брит жевала громко, с каким-то ожесточенным чувством, пачкая губы и пальцы едкой оранжевой пыльцой. Каждый хруст в темноте салона звучал как пощечина всему её идеальному миру.

— Это для тебя, мамочка, — пробормотала Брит с набитым ртом, глядя на струи воды, стекающие по лобовому стеклу. Голос прозвучал со злой усмешкой. — Ты же всегда хотела, чтобы твоя девочка была невероятно красивой. Самой яркой, с идеальным телом, чтобы не стыдно было показать подругам на благотворительном бранче. Но помнишь, мамуль, как вчера ты смерила меня своим рентгеновским взглядом и выдала: *«Что-то ты вроде поправилась в бедрах, Брит, следи за рационом»?* Так вот, это специально для тебя! Получай.

Она закинула в рот следующую порцию, давясь хрустящими снеками и даже не думая запивать.

— А это для тебя, папочка, — Брит сглотнула, чувствуя, как сухая сырная крошка царапает горло. Она со злостью сымитировала баритон отца: — *«Я купил шпинат и брокколи на неделю, доченька, будущему журналисту нужен чистый разум и правильная клетчатка».* А я купила «Читос», папуль! Огромную пачку вредного дерьма за два доллара. Спасибо за заботу, шпинат можешь засунуть себе в судейскую мантию!

Пальцы уже стали липкими от специй. Брит зачерпнула еще, чувствуя, как внутри разрастается волна болезненного стыда, но остановиться уже не могла. Это была её извращенная терапия. На очереди была наставница.

— Миссис Тремейн, дорогая, а это специально для вас, — Брит заговорила приторным тоном, каким обычно заводила толпу на стадионе. — Как там вы говорили? *«Улыбайся, пока зубы не высохнут, и держи заднищу подтянутой, Саммерс, ты же лицо команды!»* Вы лучший тренер, правда. Обожаю ваши взвешивания по понедельникам и лекции о том, что капитан не имеет права на целлюлит. За вас, миссис Тремейн!

Брит швырнула остатки пачки на соседнее сиденье. Оранжевые палочки веером рассыпались по чистой обивке кресла. Она откинула голову на подголовник, тяжело дыша. Во рту стоял солоноватый вкус.

В глубине души Брит прекрасно понимала, что делает только хуже. Сама себе копает яму. Завтра утром у неё гарантированно заболит желудок от такой дозы химии натощак. Завтра на утренней тренировке короткая зелено-белая юбка с натугом налезет на бёдра, врезаясь в кожу, а миссис Тремейн обязательно сделает двусмысленное замечание. Брит посмотрела на свои испачканные пальцы и почувствовала себя жалкой. Она выглядела как импульсивный, запутавшийся подросток, который понятия не имел, как справляться со своими взрослыми проблемами.

Но она и правда не знала, как еще выпустить пар. У неё не было других инструментов. Зато так, через этот нелепый бунт в лесной глуши, ей на пару часов становилось легче. Она заталкивала внутрь злость вместе с едой, чтобы завтра утром, когда взойдет солнце, снова

нацепить маску, накрасить губы и быть самой лучшей, самой послушной и успешной версией себя. Для всех.

Когда Брит только поступала на факультет журналистики, ей казалось, что это станет её билетом на свободу. Это был первый раз в жизни, когда она сделала то, что хотела, выбрав направление сама. Родители тогда не стали запрещать — всё-таки журналистика в престижном университете звучала солидно, да и заниматься чирлидингом, как в старшей школе, Брит могла без проблем, продолжая работать на семейный имидж.

Брит наивно думала, что в университете всё изменится. Она же стала старше! Провинциальный кампус в Орегоне — это не закрытая частная школа, где за каждым твоим шагом следят кураторы. Она надеялась, что контроль над тем, с кем ей общаться, какую музыку слушать и как себя вести, наконец-то отойдет на второй план. Прошлые рамки должны были рухнуть.

Но реальность оказалась куда паршивее. Стало только хуже. Эти двое просто не могли оставить ее в покое и двинулись за ней следом, перебравшись из Небраски в Орегон сразу после того, как Брит одобрили документы на поступление. Ее иллюзия свободы разбилась о родительский переезд. Отец, обладая колоссальным весом в юридических кругах, без малейших проблем перевелся окружным судьей. А мать, сменив скучные пейзажи Линкольна на туманные леса, с новым вдохновением продолжила строчить свои глупые книжки по домашней йоге и ментальному очищению, которые Брит считала верхом лицемерия. Родители просто сменили декорации, но не свои привычки, и теперь Ричард Саммерс при каждом удобном случае читал ей нотации своим любимым юридическим тоном: *«Университет — это не просто учеба, Брит. Это время, когда ты должна обрастать правильными связями. Каждый твой шаг, каждый человек в твоем окружении, каждая написанная тобой статья должны работать на твое будущее положение в обществе. Ты должна быть в центре внимания, но оставаться безупречной».*

И Брит стала этим центром. Президент курса, капитан чирлидеров, лицо университетского блога, лучшая студентка, которая улыбается нужным профессорам и сидит на вечеринках с правильными парнями из элитных братств. Огромный маховик чужих амбиций крутился, перемалывая её кости, а она просто послушно бежала внутри колеса, как дрессированная мышь.

Брит повернула голову и посмотрела в окно. Дождь за стеклом продолжал хлестать, превращая мир в размытую серую массу. Хотелось запереться здесь, в машине, и никогда больше не возвращаться домой. Просто стать частью холодного пейзажа.

Она шмыгнула носом и устало провела ладонью по лицу. Пальцы, всё еще липкие от сырной пудры, задели ресницы. Брит на мгновение замерла, а затем почувствовала, как по щекам поползли слёзы. Она всё-таки расплакалась. Черная водостойкая тушь, которая должна была выдерживать любые нагрузки на стадионе, не выдержала напора её собственного отчаяния. Брит размазывала слезы по лицу. В темноте салона, она выглядела по-настоящему разбитой.

Проплакав так минут пять, Брит глубоко вздохнула. Время игры в прятки подходило к концу. Мир снаружи не собирался ждать, пока она соберет себя по кусочкам.

Она потянулась к бардачку, достала упаковку влажных салфеток и щелкнула тумблером салонного освещения. Желтоватый свет выхватил из темноты её лицо. Брит повернула к себе зеркало заднего вида и тихо выдохнула от отвращения — из отражения на нее смотрела бледная, заплаканная девчонка с черными разводами под зелеными глазами и оранжевыми следами на щеках. Полный отстой.

Брит медленно начала стирать следы своего выгорания. Спрятала пустую пачку «Читос» глубоко под сиденье, чтобы завтра выбросить в первый попавшийся бак на заправке. Встряхнула головой, позволяя светлым локонам послушно упасть на плечи.

Когда всё было кончено, Брит снова посмотрела в зеркало. На нее глядело её привычное, безупречное лицо. Она медленно улыбнулась своему отражению. Глаза оставались мертвыми

и холодными, но все остальное снова было идеально. Капитан чирлидеров Брит Саммерс была готова к завтрашнему дню.

Глава вторая. Дин

— Я скажу то, что для тебя не новость. Мир не такой уж солнечный и приветливый. Это очень опасное, жесткое место. И если только дашь слабину, он опрокинет с такой силой тебя, что больше уже не встанешь. Ни ты, ни я, никто на свете не бьёт так сильно, как жизнь. Совсем не важно, как ты ударишь, а важно, какой держишь удар, как двигаешься вперёд. Будешь идти — иди, если с испугу не свернёшь. Только так побеждают! Если знаешь, чего ты стоишь, иди и бери своё, но будь готов удары держать, а не плакаться и говорить: «Я ничего не добился из-за него, из-за неё, из-за кого-то»! Так делают трусы, а ты не трус! Быть этого не может! …Я всегда буду тебя любить, что бы ни случилось. Ты мой сын — плоть от плоти, самое дорогое, что у меня есть. Но пока ты не поверишь в себя, жизни не будет.

(с) «Рокки Бальбоа» (Rocky Balboa)

В старом автосервисе Малоуна на самом выезде из Блэквуда пахло въевшимся в бетон машинным маслом, дешевым растворителем и сыростью.

За высокими окнами вовсю хлестал ливень. Дин Коллинз стоял у заляпанного стола, опершись ладонями о металлический край, и безучастно смотрел сквозь мутное стекло на пустую дорогу в надежде на очередного залетного клиента. Какая-нибудь пробитая шина или забарахливший генератор сейчас пришлись бы очень кстати.

Время близилось к восьми вечера, а за весь понедельник Дин заработал разве что на бензин для своего потрёпанного, перебранного до последнего винтика байка. Этот старый «Кавасаки» Клэйтон Малоун, хозяин мастерской, отдал ему пару месяцев назад. То ли по старческой доброте, то ли из какого-то скрытого отцовского порыва — за то, что Дин пахал тут за троих, напрочь забыв про личные границы и нормальный сон. Настоящее самопожертвование в чистом виде.

Дин до сих пор не знал, что из этого хуже: то, что он, вызывал у людей жалость, или то, что он всё-таки принял подарок от человека, который был ему никем. Дин ненавидел подачки. Всей душой. Никогда в жизни он не позволял себе просить о помощи, не жаловался на суровую долю судьбы или на то, что карты в этой жизни ему сдали паршивые. Всё в мире было на своих местах, включая его собственную скучную, однообразную жизнь и бесконечный день сурка. Но от байка он тогда не отказался. Гордость гордостью, а прагматизм победил. Правда, каждый раз, заводя мотор, Дин мысленно повторял старику, что никогда этого не забудет. Теперь его передвижение по городу зависело не от разбитых ног и расписания автобусов, а от ручки газа. Скорость означала время. А пунктов назначения в его личном ежедневном аду было по меньшей мере четыре: дом, работа, университет и еще одна гребаная работа, о которой приличному студенту-инженеру лучше помалкивать.

— Я закрываюсь, сынок, — хриплый голос старого Малоуна выдернул Дина из мыслей. Мозолистая ладонь Клэйтона ободряюще похлопала парня по плечу.

Дин даже не вздрогнул, продолжая сверлить глазами темнеющую за окном дорогу.

— Да, конечно, — глухо отозвался он, отталкиваясь от стола.

Дин привычными движениями начал убирать разбросанные гаечные ключи. Металл звякал, отправляясь в тележки для инструментов. Он быстро навел порядок на рабочем месте, протер ветошью руки и уже накинул на плечо тяжелую лямку рюкзака, собираясь попрощаться с хозяином.

— Эй, Дин? — негромко окрикнул его Клэй у самого выхода, застегивая кожаную куртку.

Дин остановился в дверях, повернув голову:

— Да?

— Как Тесс? — спросил Клэй, и в его глазах мелькнуло редкое понимание, обходящееся без лишних соплей.

— Держится, — коротко бросил Дин, едва заметно дернув уголком губ. — Спрашивала тут о тебе, когда заедешь в гости.

Малоун поджал рот в еле заметной полуулыбке, понимающе кивнул и больше ничего не сказал. За это Дин его и уважал. Старик никогда не лез в душу с дурацкими расспросами и, что самое главное, не кормил его дешевыми ложными надеждами в духе *«всё будет хорошо»*или *«она обязательно поправится»*. К черту этот бред. Дин не был маленьким мальчиком и прекрасно знал, что ни хрена не хорошо. Его мать больна. И ей нужны лекарства. Дорогостоящие лекарства, которые страховка отказывалась покрывать. Точка. И Дин сделает всё, расшибется в лепешку, сдохнет на работе, но достанет на них деньги.

Он вышел под козырек сервиса, и в кармане джинсов настойчиво зажужжал телефон. Дин вытащил мобильник, мельком глянул на экран и тут же нажал на кнопку приема, прижимая трубку к уху.

— Мам? — его голос мгновенно потерял всю жесткость, став тише и мягче.

— Дин, привет... Ты не знаешь, куда я положила очки? — в трубке раздался слабый, немного растерянный женский голос. От этого звука у Дина внутри всё болезненно сжалось.

— Они рядом с газетой на тумбочке, мам, — спокойно, без тени раздражения ответил он, хотя похожий сценарий повторялся почти каждый день. — Ты в порядке? Как себя чувствуешь?

— Да, милый, просто... опять забыла, куда их дела. Помню, как вышла из комнаты, а когда зашла обратно — их нет. И найти не могу, — она тихонько, виновато вздохнула. — Ты скоро будешь?

Дин зажмурился, чувствуя, как его накрывает волна страха за нее. Каждый божий раз, оставляя её одну в пустом доме, он испытывал сжирающее изнутри чувство вины. Вины за то, что не может нанять круглосуточную сиделку, которая будет неотлучно смотреть за ней, разговаривать и просто не давать ей теряться в пространстве собственного дома. Рассеянный склероз — безжалостная, сука, вещь. Болезнь медленно, шаг за шагом отбирала у Тесс память и контроль над телом, а Дин мог лишь беспомощно наблюдать за этим, вкалывая сутками.

— Я через пару часов буду дома, мам. Обязательно ложись, не дожидайся меня, хорошо? — Дин постарался, чтобы его голос звучал максимально уверенно и бодро. — И пожалуйста, поешь. На верхней полке в холодильнике стоит контейнер с ужином. Сделай это прямо сейчас, ладно? Иначе опять забудешь.

— Хорошо, сынок, сейчас пойду и поем, — тихо пообещала она. — Я люблю тебя, Дин.

— И я тебя, мам.

Дин отключил вызов, опустил телефон и со всей силы шарахнул кулаком по деревянному столбу навеса. Кровь со свежих, едва затянувшихся костяшек отпечаталась по щепкам.

— Блядь, — глухо выругался он в пустоту, тяжело дыша.

Ярость и бессилие душили. Вместо того чтобы сейчас ехать домой, сидеть рядом с ней и помогать искать чертовы очки, он запрыгивал на байк и мчался на окраину, в «Грозовой подвал». Туда, где ему придется на пару часов напрочь забыть о том, что он человек, отключить остатки мозгов и стать безжалостным зверем. Зверем, которому платят за то, что он ломает чужие кости и подставляет под удары свои собственные. Просто потому, что за человечность в этом мире лекарства не продают.

Он натянул шлем, скрывая лицо под темным визором, завел байк, и рев мотора разорвал тишину засыпающей окраины.

«Грозовой подвал» находился как раз по пути к его привычному месту бегства — старой геодезической вышке, где он мог часами сидеть на ржавых перекладинах, курить и просто наблюдать за миром с высоты птичьего полета, пока ледяной ветер выветривал из головы всю дурь. До начала боев оставался час. Дин притормозил на развилке, где колеса байка по ступицу

утопали в грязи. Слева дорога вела к Подвалу. Справа уходила вглубь леса темная грунтовка. Дин рванул руль направо. К черту всё. Ему позарез нужна была передышка наедине с собой, хотя бы минут на пятнадцать, иначе он сорвется раньше, чем выйдет в клетку.

Он медленно поднялся на холм, заглушил мотор и по инерции докатился до подножия вышки. Но стоило ему выставить подножку байка и снять шлем, как он понял: сегодня остаться одному не получится. Здесь, посреди темноты, он был не один.

У самого основания ржавой конструкции стояла весьма неплохая тачка. Из-за плотной стены ливня и кромешной тьмы разглядеть хозяина через лобовое стекло было невозможно. Но Дину это и не требовалось. Он видел эту машину. Не раз, не два и даже не десяток. Он слишком хорошо знал каждую линию этого серебристого «Фольксвагена», каждую царапину на бампере и даже то, как глухо подергивается выхлопная труба на поворотах. Это была его дурацкая тайна, которую он пообещал себе унести с собой в могилу.

Внутри сидела Брит Саммерс. Коротышка-чирлидерша, королева всех университетских вечеринок, муза золотых мальчиков из футбольной сборной и обладательница тех самых приторно-сладких улыбок, которые принадлежали в кампусе всем, кроме него. Дин был чертовым реалистом. Он крепко стоял на ногах и прекрасно понимал: такие девчонки, как Саммерс, живут в совершенно другой вселенной. В космосе, где нет места запаху отработанного масла, нищете, разбитым в кровь кулакам и тяжелой ночной работе. Их пути вообще не должны были пересекаться.

И всё бы, наверное, осталось так. Дин бы и дальше просто забивал на тот факт, как предсказуемо и громко стучит его сердце каждый раз, когда эта блондинка случайно проходила мимо него в университетских коридорах, обдавая шлейфом дорогих духов. Забил бы и прошел мимо. Если бы не одно жирное *«но»*.

Он слишком часто видел её здесь. Дин собственными глазами наблюдал, как идеальная Брит, заперевшись в салоне автомобиля, давала волю уродливым эмоциям. Она плакала, кричала, билась лбом о руль. После увиденного Дин уже просто не мог выбросить её из головы. Он следил за ней издалека, глубоко сочувствовал и чувствовал себя при этом каким-то поехавшим сталкером.

Но подойти и постучать в стекло так и не решался — слишком боялся спугнуть. Боялся лишить её единственного убежища, где она могла сорваться и побыть настоящей, а не той красивой девчонкой с помпонами, которой все вокруг завидовали.

Вот и сейчас Дин стоял неподалёку, укрывшись в густой тени еловых веток. Противный дождь затекал ему за шиворот, пропитывая куртку насквозь. Зубы уже постукивали от холода, но он не двигался с места. Он просто смотрел на тусклый огонек в салоне её машины, надеясь на чудо. Ждал, что Брит выйдет наружу. Что она каким-то шестым чувством поймет, что в этой сырой темноте она не одна. Дин отчаянно хотел, чтобы именно она сделала первый шаг, шаг навстречу безумию. Сам он не имел права навязывать ей своё дерьмовое существование.

В салоне «Фольксвагена» погас свет. Машина зарычала, фары резко разрезали туманный сумрак леса, на долю секунды ослепив Дина. Она так и не вышла.

Он остался стоять на обочине, замерзая от пронизывающей сырости, и молча провожал глазами удаляющиеся красные габариты, пока они окончательно не растворились в сером туманном на спуске с холма.

— Еще увидимся, Саммерс, — тихо, сквозь зубы шепнул Дин, натягивая шлем обратно.

Он резко крутанул ручку газа, и байк с ревом понес его вниз, к «Грозовому подвалу», где его уже ждала порция чужой крови.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.